

УДК 325.1(479.25)

doi: 10.17072/2219-3111-2017-2-45-54

«ЭКЗОРЦИЗМ КУЛЬТУРНОЙ ИНАКОВОСТИ»: СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЫЖИВАНИЕ БЕЖЕНЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Э. Г. Оганнисян

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., За eviahovhannisyanyan@eu.spb.ru

Представлены практики конструирования негативного образа армян–беженцев из Азербайджанской ССР (далее Азербайджан) – в постсоветской Армении и то, как эти практики формируют социально-экономические отношения между беженцами и принимающим обществом. Предпринимается попытка выяснить, как изначально стигматизированная группа может быть интегрирована в принимающее общество и какие существуют практики вовлечения в его экономическую и социальную структуру. Исследование основано на эмпирическом материале, который был собран в Варденисском районе Армении в 2014–2015 гг. Для сбора материала привлекались методы включенного наблюдения и биографического интервьюирования. Метод «устной истории» дополнен методами исторической антропологии, что позволило обратиться к письменным документам и газетным материалам эпохи карабахского конфликта. Исследуемый район в 1988–1991 гг. был компактно заселен беженцами, чем и привлек наше внимание. Беженцы поселились в бывших азербайджанонаселенных деревнях, таким образом, заметно повлияв на изменения в социальном облике района.

Ключевые слова: беженцы, принимающее общество, маргинальность, социально-экономические отношения, матримониальные отношения.

Исторический контекст

В 1988–1991 гг. Армения и Азербайджан претерпели сложные социально-демографические трансформации. Нагорно-карабахский конфликт заставил сотни тысяч людей покинуть места их постоянного проживания [Румянцев, 2013, Гамагелян, Румянцев, 2013]. Согласно статистическим данным Государственной миграционной службы Армении до переселения численность армянского населения в городах и селах Азербайджана составляла приблизительно 362 тыс. человек [Численность..., 1984]. Соответственно на территории Армянской ССР существовали районы с доминирующим азербайджанским населением (Мегринский, Варденисский, Масисский районы), которое было вынуждено уехать оттуда после обострения карабахского конфликта. Процесс переселения проходил поэтапно: представители обеих сторон в течение почти трех лет приезжали и уезжали в свои бывшие места проживания, увозили имущество, оформляли документы, продавали дома, продолжали ухаживать за кладбищами и т.п. Это длилось до тех пор, пока обе республики, и Армения, и Азербайджан, почти полностью не избавились от представителей «нежелательных» этнических групп. Вследствие этих перемещений с 1988 до 1991 г. Варденисский район Армении почти полностью поменял свой демографический облик. На смену азербайджанским переселенцам из Варденисского района пришли армяне-беженцы из разных частей Азербайджана.

В начале 1990-х гг. из-за тяжелых социально-экономических условий в Армении, вызванных распадом Советского Союза, карабахской войной, блокадой, отношения между принимающим обществом и беженским населением заметно ухудшились, приняв форму жесткого противостояния [Харатьян, 2008]. В процессе интеграции и адаптации беженцев между представителями этих групп установились довольно сложные отношения с четко выраженными элементами отчуждения беженцев. Настоящая статья основана на анализе социальной и культурной дихотомии указанных групп. Все вопросы возникновения и функционирования социальной структуры Варденисского района (экономические, административные, матримониальные отношения) рассматриваются в свете этого противостояния.

Эмпирический материал для исследования был собран в Варденисском районе Гегаркуникского региона Армении. Для его сбора были привлечены методы биографического интервьюирования и участвующего наблюдения. Выбор района не случаен. Во-первых, за последние двести лет

данная местность приняла несколько переселенческих потоков, вследствие чего приобрела ярко выраженный и активно меняющийся этносоциальный облик [Каратян, 1986, с. 232–237]. Вторых, в Вардениском районе до переселения азербайджанцы составляли около 70% населения [De Waal, 2003, p. 211]. Так, Вардениский район до военного конфликта состоял из райцентра Варденис со смешанным армяно-азербайджано-русским населением и 37 деревень, 31 из которых была заселена исключительно азербайджанцами, 4 – исключительно армянами и 2 имели смешанное население.

Согласно статистическим данным за 2011 г. в Вардениском районе сегодня проживают около 7 тыс. беженцев (численность по месту рождения: Азербайджан), что составляет приблизительно 25% всего населения района [Численность армянского населения..., 2014]. Более точных данных о численности переселившихся в Варденис беженцев нет. В годы карабахского конфликта подобная перепись не проводилась, а в последующие годы многие беженцы, не сумев интегрироваться в принимающее общество, уехали из Армении. Остальное население района составляют местные армяне, которые заселились в пустующие дома бывших соседей-азербайджанцев.

Отношение к беженцам из Азербайджана и постепенная стереотипизация «Другого»

Взаимоотношения беженцев и принимающего общества, как правило, колеблются в течение времени. Это обусловлено рядом экономических и социальных факторов, влияющих на общественное отношение к миграционным процессам. Обзор литературы и материалов средств массовой информации дает нам право констатировать, что в начале 1990-х гг. в Армении беженцы были представлены рядом отрицательных характеристик [Yalçın-Heckmann et al., 2010]. Исторически этот момент совпадает с дезинтеграцией Советского Союза в 1991 г., карабахской войной в 1992–1994 гг. и последующим экономическим спадом в Армении. Принимающее общество новопривывших армян-беженцев восприняло как новую угрозу экономической ситуации в стране. Согласно теории межгрупповых конфликтов центральной предпосылкой негативного отношения одной социальной группы к другой в основном служит конкуренция за экономические ресурсы и дефицитные товары [Jackson, 1993, p. 402]. Восприятие беженцев как экономической угрозы является распространенной практикой, используемой в повседневном дискурсе, средствах массовой информации и политических дискуссиях. В соответствии с этим приток большого количества инородного населения, ищущего убежища, ассоциируется с социально-экономическими изменениями и с колебаниями рынка труда [Billiety et al., 2014, p. 140]. Кроме экономической угрозы исследователи отмечают опасения моральных [Zarate et al. 2004, p. 103] и символических угроз [Stephan и др., 1999] в принимающем обществе. Другими словами, внешняя группа может придерживаться иных культурных традиций и систем ценностей, чем те, которые представляются «нравственно правильными» в принимающем обществе [Mayda, 2006, p. 522 ; Pereira et al., 2010, p. 1233–1234]. Предполагаемые экономические и символические угрозы увеличивают тревожность в обществе и влияют на рост межгрупповой напряженности, которая может привести к конфликту или жесткой дискриминации [Kamans et al., 2011, p. 307]. С одной стороны, это процесс построения новой социокультурной идентичности беженцев. С другой стороны, это процесс построения образа беженца принимающим обществом (и, наоборот, через эти образы принимающее общество конструирует свою идентичность – модель социорефлексивного строительства [Jussim, 1991, p. 69]). Однако все эти процессы и механизмы конструирования идентичности находятся под влиянием политических и международных дискурсов.

Исходя из данной теоретической предпосылки, мы рассмотрим отношение принимающего общества к армянам-беженцам в рамках общей проблематики межгрупповых конфликтов. Главной особенностью исследуемой группы является то, что это не просто беженцы, т.е. «Другие», но возвратившиеся на историческую родину армяне. Интрига заключается именно в том, как возникает неопределенность по отношению к беженцам и как она наполняется повседневными практиками. Являются ли армяне-беженцы из Азербайджана представителями той же этнической группы, что и армяне из Армении, имеют ли они право на возвращение домой или это нежеланные «Другие»?

Иными словами, «образ беженца» является продуктом многоуровневого структурирования [Camino et al., 1994, p. 71–72]. Он сформировался в тесной взаимосвязи с азербайджанской культурной средой, а после переселения в Армению столкнулся с местной армянской культурной традицией, которая имела множество отличий в языковом, религиозном, социальном отношении. В немногочисленных исследованиях на данную тему нередко проскальзывает мысль о том, что ар-

мяне из Армении предпочитали соседствовать с местными – «Своими» – азербайджанцами, чем с переселенцами – «Другими» – армянами из Азербайджана [Гусейнова и др., 2008, с. 8–9].

Практики вовлечения беженцев в социальную структуру района

В период советской власти рынок труда в районе был четко распределен между доминирующим азербайджанским населением (приблизительно 20 тыс. чел) и армянским населением, которое составляло меньшинство в районе (примерно 14 тыс. чел) [Всесоюзная перепись..., 1939]. Согласно изначальному распределению ресурсов и рабочих позиций в районе между двумя этническими группами азербайджанцы занимались скотоводством и сельским хозяйством, а армяне в основном работали в местных шахтах или отходничали. После массового оттока азербайджанцев из Вардениса сельское хозяйство в районе некоторое время испытывало упадок. Сельскохозяйственные земли пришли в запустение к моменту распада Советского Союза. Именно в это время все постсоветское пространство накрыла волна легальной и нелегальной приватизации.

В начале 1990-х гг. местные жители Варденисского района смогли сохранить за собой оставшееся от колхозов сельскохозяйственное имущество (земли, скот, агротехнику), не допустив к этому источнику капитала беженцев. Местные армяне приватизировали наиболее плодородные земельные угодья, большее количество высококачественного скота, почти всю технику (трактора, комбайны). Этот факт стал основой экономического превосходства местных жителей над беженцами. Так как в сельской местности Армении социальное расслоение в первую очередь определяется передаваемым от поколения к поколению экономическим и социальным капиталом, на новом месте жительства беженцы почти не имели шансов проникнуть в наиболее прибыльные социально-экономические сферы.

- После развала Советского Союза беженцы получили столько земли, сколько им предназначалось по закону. А местные жители получили в десятки раз больше – 20 гектаров, 30 гектаров... Мой дядя в то время был старостой деревни, и в связи с этим моей семье досталось 50 гектаров земли на 25 лет пользования. Сейчас никто на эти земли претендовать не может. Даже во время обработки местные жители нередко нелегально присваивают земли беженцев. И все жители села на это закрывают глаза. Беженец может хоть каждый день ходить в сельсовет и жаловаться, но вернуть свою землю он не сможет (Полевая работа (далее ПР), Варденисский р-н, с. Мец Масрик, ж.-35).

Многие беженские семьи в первые годы переселения не смогли адаптироваться к подобным неравноправным условиям жизни в районе [Харатьян, 2007, с. 46]. По экономическим и социокультурным причинам часть их уехали за границу (большинство в Россию), по мизерным ценам продав свои земельные участки местным жителям. В основном это были городские жители, которые не владели знаниями и навыками в области сельского хозяйства. Та часть беженцев, которая осталась в деревнях, в основном вернула полученные от государства земли сельсоветам, чтобы получить социальное пособие [Interim Poverty..., 2003], или по минимальным ценам (1–1.5 центнера урожая в год за 1 гектар земли) сдала в долгосрочную аренду местным жителям. Так большая часть пригодных для сельского хозяйства земель постепенно стала концентрироваться в руках местных армян. За два десятилетия сформировался слой крупных землевладельцев, который не только сосредоточил в своих руках крупное сельское хозяйство, но и значительно расширил свое политическое и экономическое влияние в регионе. Беженцы, в свою очередь, стали батрачить на этих же земельных участках за посуточную плату (сегодня она составляет приблизительно 8–10 долларов в драмовом эквиваленте в день). Но это работа сезонная, и зимой люди остаются без работы.

- Во время сбора урожая у меня работают до двухсот человек из всей окрестности. Считай, что это почти как целый завод! Я скупил их земли, а потом предложил им работать на этих же землях за заработную плату. <...> Маленькие земельные участки не приносят выгоды, другое дело большие земельные угодья (ПР, Варденисский р-н, с. Сотк, м.-43).

Батрачеством занимаются в основном беженцы, так как местные жители «предпочитают голодать, чем наниматься чернорабочими и заниматься непристойной работой».

- Мое самолюбие не позволит мне этим заниматься. Знаете, как говорят местные жители? «Вот наши ослы, которые работают на наших землях. В Кировабаде тоже было отведено отдельное место, которое называлось "ишак-майdan" (рынок поденных чернорабочих. – Э.О.), где были и армяне». Но здесь ведь у каждого есть свой земельный участок, пусть работают на своей земле! (ПР, Варденисский р-н, с. Сотк, 14.08.1999 [Петросян, 1998–1999]).

В действительности местные жители также нанимаются на работу на сельскохозяйственных угодьях крупных землевладельцев, просто подобная практика анонсируется значительно меньше.

После демографических сдвигов в районе возникла проблема не только в сфере сельского хозяйства, но и в дистрибуции административных и других рабочих позиций. Сегодня, несмотря на тот факт, что численность беженцев во многих деревнях почти вдвое превышает численность местного населения [Interim Poverty..., 2003], в региональных административных органах местные армяне представлены гораздо лучше. Согласно официальным данным регионального управления из 36 деревень, заселенных беженцами в Вардениском районе, только в 13 старосты – беженцы, а в остальных 23 деревнях – местные, многие из которых даже не являются постоянными жителями данных деревень [Региональное управление Гегаркуника, 2014].

- Во время последних выборов беженцам запретили выдвигать свою кандидатуру. Беженцев нигде не принимают на работу. Мы – «другие армяне», они – «другие». Из 15-16 работников администрации сельсовета только уборщица и сторож – беженцы, все остальные должности занимают местные (ПР, Вардениский р-н, с. Мец Масрик, 18.08.1999).

Из интервью с беженцами становится ясно, что в первые годы переселения они предпочитали выбирать старостами деревень местных армян, так как те были более осведомлены в локальных системах управления, «местных законах» и имели тесные отношения с более высокими структурами управления в районе. Во время последующих выборов местного самоуправления беженцев неофициально (угрозами жизни и имуществу) отстраняли от участия в выборах [Харатян, 2007, с. 59]. И только в некоторых деревнях в силу того, что подавляющее большинство населения составляют беженцы, удалось изменить ситуацию с распределением позиций в администрациях сельсоветов. Подобная ситуация сложилась и в распределении других должностей: директора школы, врача, учителя. В начале 1990-х гг. большинство рабочих мест в государственных учреждениях района было занято местными жителями, а все попытки беженцев основать свой собственный бизнес (частную амбулаторию, стоматологическую клинику, магазин) были или пресечены, или взяты под авторитарный контроль местных армян.

- Впоследствии я приватизировала амбулаторию, но мне не дали работать, местные неформальные властные структуры требовали больших денег. Это нелегальная практика, это не государственный налог, а просто неформальное разрешение на собственный бизнес. Местные армяне не любят «пришельцев с другой планеты»... Если ты даже грамотный, тебя не примут на работу, так как ты не являешься их родственником. Это состояние, когда ты был чужим среди чужих в Азербайджане, и, что более обидно, ты чужой среди своих (ПР, Вардениский р-н, с. Мец Масрик, жс.-61).

Как объясняют сами беженцы, подобное распределение административных должностей на местах связано с первыми годами переселения и большим потоком гуманитарной помощи в Армению. Гуманитарная помощь стала поступать еще в 1989 г. Она распределялась местным исполкомом. Занимая должности в сельсоветах, больницах, школах, местные армяне стали сами определять, кому и сколько гуманитарной помощи и лекарств достанется. Значение рабочего места (распределение рабочих мест в государственных учреждениях района) связано с его ресурсным потенциалом и практиками клиентализма по отношению к господствующему классу района. Так, старосте села приходится балансировать между тремя разными группами интересов: а) личными интересами, которыми продиктованы назначения на важные должности лиц, которым он лично доверяет и/или с которыми связан обязательствами; б) интересами региональных и центральных государственных властей; в) интересами местного населения. В основном это люди, которым можно доверять на личностном уровне, или те, кто доказал свою верность правящей власти. В таких случаях профессиональные качества этих людей оказываются на втором месте.

Многие беженцы в прежних местах жительства (особенно в крупных городах Азербайджана – Баку, Кировабаде) имели довольно высокий социальный статус, соответствующие этому статусу образование, работу, экономический капитал, культуру. Это в основном инженеры-нефтяники, химики, кораблестроители, которые до переселения работали на больших промышленных предприятиях в городах. Переселившись в сельскую местность Армении (даже при условиях перевоза почти всего имущества), беженцы не смогли найти применения своим знаниям, не смогли занять соответствующую социальную нишу в армянском обществе. По этой причине и из-за незнания армянского языка (их родной язык или язык общения был русский), сложных социокультурных отношений с

местным армянским населением большое количество беженцев в первые годы переселения уехали из Армении. Те семьи, которые не имели возможности эмигрировать (были и такие, которые не захотели повторно переселяться и жить в чужой этнической среде), постепенно стали интегрироваться с армянским обществом, но уже с «ущербным / маргинальным» социальным статусом. Только небольшой части беженцев удалось, используя свой образовательный уровень (медперсонал, учителя), адаптироваться к новой среде и закрепить за собой среднее социальное положение в границах конкретных поселений.

- Они друг другу родственники, все здесь – брат, сват, и они между собой довольно хорошо живут, сплоченно. Я была чужая среди них, но я как-то освоилась: во-первых, специальность у меня хорошая, я неплохой специалист в своем поприще: кому-то становится плохо, у кого-то давление, у третьего ребенок болеет... постепенно-постепенно меня стали узнавать. Мне повезло, что мы переселились в район, где сильная нехватка квалифицированных врачей. (ПР, Варденисский р-н, с. Мец Масрик, ж.-б1).

Такая ситуация связана главным образом с образовательным уровнем беженцев: некоторые из них смогли найти работу в новых местах проживания. После оттока местного азербайджанского населения полностью разрушилась вся структура занятости в районе. Местное армянское население было малочисленным и не имело надлежащего образования, чтобы охватить все требуемые рабочие позиции в районе. В начале 90-х гг. они смогли лишь занять основные административные должности и захватить крупнейшие бизнес-ресурсы. Поэтому управленческие и наиболее доходные позиции в регионе были сосредоточены в руках местного населения. Должности среднего класса (учитель, врач, бухгалтер), которые требуют определенного уровня образования, были заняты в основном беженцами. Подобное распределение социальных позиций позволяет установить некоторый баланс в районе, когда «и волки сыты, и овцы целы».

После распада Советского Союза в Варденисском районе образовался новый социоэкономический слой – сотские золотоискатели, которые в народе получили прозвище «летучие мыши». До 2002 г. значительная часть подземных (закрытых) шахт Сотского золотого рудника была демонтирована: государство перешло к открытой разработке месторождений. «Летучие мыши» – это группа «черных копателей» золотых рудников, которые имеют собственные (или незаконно арендованные у других собственников, нередко у высокопоставленных государственных чиновников) скважины, из которых нелегальным путем добывается золотая руда. Это в основном старые скважины шахт, вырубленные еще в советское время, или новые скважины.

Главаря «летучих мышей» – исключительно местные армяне, так как это явление непосредственно связано с глубиной и прочностью локальных социальных связей. В группы копателей-чернорабочих иногда могут быть включены и беженцы. Необходимо заметить, что это достаточно узкая локальная группа, которая не терпит новичков и часто в группе предпочитает сохранение кровнородственных связей. Группы доверия, капитал доверия – самое важное в теневой экономике, поэтому в эти группы включены исключительно родственники, друзья, земляки – те, кому можно доверять. Локальные криминальные, социально обусловленные группировки и границы между ними и обществом в целом определяются результатами социальной практики, поэтому в группы чернорабочих беженцы могут быть включены, а в ряды главарей группировок – не могут.

Согласно сведениям из интервью с жителями района «летучими мышами» становятся в основном те люди, которые не имеют другого источника дохода. Пожалуй, именно поэтому в основном это жители города Вардениса. После распада Советского Союза в малых и средних городах Армении были закрыты многие заводы и ликвидированы рабочие места. Люди начали искать возможности заработка. Чернорабочие-копатели получают заработную плату в соответствии с договоренностью с владельцем скважины – поденную плату (приблизительно 40–50 долларов за один заход) или долю добытой руды (в результате распределения чистого золота между членами группы и владельцем скважины).

- Многие вынужденно идут на это дело, у них нет другого заработка, другого выбора. Если мне срочно нужны деньги, я иду на шахту, так как за один заход можно заработать немалую сумму (ПР, Варденисский р-н, г. Варденис, 06.01.2015, м.-23).

Как и в любой криминальной групповой деятельности, у «летучих мышей» существуют строгие правила. Согласно кодексу сотских «летучих мышей» во время нахождения в шахте / скважине строго запрещены разборки межгрупповых и внутригрупповых конфликтов. Все спорные

ситуации преодолеваются за пределами шахты. Это обусловлено тем, что незаконная деятельность сотских золотоискателей тесно связана с местными управленческими и правоохранительными структурами, которые получают свою долю добытого золота (каждый месяц владельцы скважин выплачивают определенную сумму местным правоохранительным органам за «свободное» проникновение в шахту). И, чтобы эта деятельность не получила широкой огласки, все вовлеченные в теневой бизнес стороны стараются всячески скрыть ее, чем и объясняется повсеместное нежелание жителей региона говорить на данную тему.

Из опасения экономической угрозы принимающее общество завладело сельскохозяйственной сферой, основными административными позициями и криминальной сферой, таким образом приняв доминантную позицию по отношению к беженцам. Беженцы, наоборот, заняли средние и низшие позиции в трудоустройстве.

Наиболее сложным оказался процесс преодоления символических и культурных барьеров, которые повлияли на стереотипизацию беженцев и на установление матримониальных отношений между представителями двух групп. Процесс противопоставления и «производства инаковости» происходил как в непосредственном повседневном взаимодействии, так и дискурсивно, с включением в себя когнитивных стратегий репрезентации «Другого».

Основными маркерами инаковости беженцев были визуальный образ женщин и поведенческий образ мужчин, которые не соответствовали традиционным представлениям местных армян. Переселившиеся в основном из городов Азербайджана беженки казались более ухоженными, образованными, свободными в общении с мужчинами, чем местные армянки.

- В первые годы переселения беженки очень сильно выделялись. Местные армяне были в недоумении, когда увидели женщин с окрашенными светлыми волосами. Никто из местных армянок тогда волосы не красил, брюки не одевал. Они могли свободно общаться с мужчинами на улице или на работе. Никто не отрицает, что беженки были гораздо красивее и женственнее по сравнению с местными армянками, но они не были похожими на нас (ПР, Варденисский р-н, с. Мец Масрик, 11.08.2014, ж.-34).

Непривычный образ женщины, не соответствующий местным понятиям о патриархальной жене, матери большого семейства [Shahnazarian et al., 2014, p. 29], был неприемлем для местных армян. Это способствовало негативной стереотипизации «образа беженцев». Процесс противопоставления двух групп невольно привел к дистанцированию на основе культурных различий.

- Местные армяне к беженкам относились, как к проституткам, а к мужчинам-беженцам, как к слабохарактерным и мягкотелым, которые в городских условиях потеряли образ традиционного армянского мужчины (ПР, Варденисский р-н, с. Мец Масрик, 11.08.2014, ж.-34).

Будучи объектом репрезентации дискурса, образ «Другого» зависит не от его реальных свойств, а от позиции репрезентирующей группы [Said, 1977, p. 248]. В условиях предполагаемой ценностной угрозы принимающее общество дискурсивно угнетало и символически элиминировало беженское население района. Дискурсивное угнетение беженцев имело четко выраженную феминную окраску, так как в первую очередь подчеркивались и противопоставлялись нравственность местных армянок и распущенность беженок. Возник повышенный интерес к «Другому» как женщине, уязвимой жертве. Кульминацией данного восприятия стало то, что в первые годы переселения участились случаи похищения беженок местными мужчинами и браки через умыкание. Многие подобные браки через несколько лет распались. Причиной этому была обоюдная нетерпимость по отношению к культурным различиям противоположной группы.

- Многие разведенные беженки остались одни с детьми, и этим стали пользоваться местные мужчины. В послевоенные годы в регионе было очень тяжелое экономическое положение. Такие матери-одиночки часто не могли прокормить своих детей, что их привело к проституции в обмен на зерно или другие продукты. Все это негативное отношение исходило именно от местных армян (ПР, Варденисский р-н, с. Мец Масрик, 13.08.2014, ж.-57).

Важнейшей проблемой и причиной возникновения межгрупповой ненависти является именно стремление властного субъекта подчинить «Другого», уничтожить инаковость, стандартизируя общество посредством дискурсивного воздействия [Baudrillard, 1997, p. 113]. Беженки непосредственно столкнулись с противоречивым, негативным и исключительно доминантным отношением местных армян к «Другому». Сексуальные домогательства местных мужчин и конструирование образа распущенности беженок были основными механизмами уничтожения инаковости и подчи-

нения. Приведенные фрагменты интервью позволяют проследить, как конструировался «образ беженки»: красивая, ухоженная, образованная, свободная – и как он деформировался под влиянием когнитивных практик и локальных дискурсов: распущенная, женщина свободных нравов. Отдельные, кажущиеся порой незначительными элементы – визуальные формы, поведенческие образы, вербальные тексты и т.д., постоянно повторяясь, накапливаясь, перерабатывались и создавали мощный стереотипный комплекс, который становился инструментом в руках принимающего общества.

Заключение

Специфика исследуемого района состоит в том, что он населен двумя различными социокультурными группами армян: местными армянами, довольно долго проживающими в данной местности, и беженцами из Азербайджана, которые поселились в регионе сравнительно недавно, в 1988–1991 гг.

Борьба за наиболее прибыльные сферы в местной экономике и за символический капитал способствовала обострению противостояния двух социокультурных групп армян. В регионе основные административные должности и крупное фермерство на протяжении четверти века находятся в руках местного населения. Беженцы занимают в основном среднюю и низшую ступень в сфере трудоустройства. Некоторым из них в силу высокого уровня образования и собственной предприимчивости удалось выбрать более высокие должности, но подобная практика нередко негативно оценивается остальными беженцами. «Хорошо устроившихся» обвиняют в том, что они стали «Своими» среди местных жителей, так как символически смогли преодолеть ту границу, которая была выстроена за время переселения.

Социально-экономические и культурные границы между двумя исследуемыми группами поддерживаются существующим распределением имущества и трудовых позиций в районе. Граница между этими группами восстанавливается благодаря повторяющимся когнитивным практикам, приписываемым конкретным ситуациям (например, беженец может стать крупным землевладельцем, но не «летучей мышью»). Социокультурную эксклюзию беженцев можно рассматривать главным образом как недостаток участия в разного рода социальных институтах, материальном производстве, процессе принятия политических решений, распределении символических ресурсов и т. д., как исключение из социальных структур, вытеснение за их границы, изоляцию индивидов от моральных и символических ресурсов, предоставляемых конкретной группой и являющихся причинами межгруппового конфликта.

Библиографический список

- Великий П., Елютина М., Штейнберг И., Бахтурина Л.* Старики российской деревни. Саратов: Степные просторы, 2000. Сс. 128.
- Всесоюзная перепись населения. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел союзных республик СССР, Басаргечарский район АрмССР. М., 1939. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39_ra.php?reg=857 (дата обращения: 15.02.2016).
- Гамагелян Ф., Румянцев С.* Армения и Азербайджан: конфликт в Нагорном Карабахе и новая интерпретация нарративов в учебниках истории // Мифы и конфликты на Южном Кавказе: Инструментализация исторических нарративов / под ред. О. Карпенко и Дж. Джавахашвили. М.: International Alert, 2013. С. 168–192.
- Гусейнова С., Акопян А., Румянцев С.* Кызыл-Шафаг и Керкендж: история обмена селами в ситуации Карабахского конфликта. Тбилиси: Изд-во Фонда им. Генриха Белля на Южном Кавказе, 2008. 148 с.
- Каранетян Г.* Лапидарные надписи поселения Мец Мазра // Историко-филологический журнал. 1986. № 2. С. 232–237.
- Конвенция о статусе беженцев 28.07.1951. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 11.04.2016).
- Петросян Г.* Исследовательский проект «Культурный диалог во имя гармоничного сосуществования». Ереван: Армянский центр исследований народонаселения «Азарашен». 1998–1999. Региональное управление Гегаркуника. URL: gegharkunik.gov.am. (дата обращения: 08.09.2016).

- Румянцев С. Беженцы и вынужденные переселенцы в Азербайджане: политический контекст // КА-РИМ Восток–консорциум прикладных исследований по международной миграции: Социально-политические рамки миграции. 2013. Vol. 9. 5 с.
- Харатян Л. Освоение «чужого» пространства: Армяне беженцы в «азербайджанских» селах Армении // Figuring out the South Caucasus: Societies and environment. Collection of Papers. Тбилиси: Изд-во Фонда им. Генриха Белля на Южном Кавказе. 2008. С.129–145.
- Харатян Л. «Чужие среди своих?» Особенности адаптации армян-беженцев из Азербайджана в Армении на примере Варденисского района Гегаркуникского марза Республики Армения: Отчет. Тбилиси: Изд-во Фонд им. Генриха Белля на Южном Кавказе. 2007. С. 1–63.
- Численность армянского населения в крупных городах и районах АзССР // Министерство территориального управления и по чрезвычайным ситуациям Республики Армения, Государственная миграционная служба. URL: http://smsmta.am/?menu_id=93 (дата обращения: 28 04 2015).
- Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1984. 48 с.
- Billiety J., Meulemanz B., De Witte H. The relationship between ethnic threat and economic insecurity in times of economic crisis: Analysis of European Social Survey data // Migration Studies. 2014. Vol 2, N 2, P. 135–161.
- Baudrillard J. The City and the Hatred // Logos. 1997. Vol. 9. P. 107–117.
- Camino L., Krulfeld R. Reconstructing lives, recapturing meaning: Refugee identity, gender, and culture change. Australia: Gordon and Breach. 1994. 272 p.
- De Waal T. Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War. New York University Press, 2003. 337 p.
- Gotua G. Different governments in Tbilisi, same people in regions: local elites in the years of independence (the case of Gurjaani district, Georgia) // Changing identities: Armenia, Azerbaijan, Georgia (collection of selected works). Tbilisi: Heinrich Böll Stiftung South Caucasus, 2012. P. 202–221.
- Interim Poverty Reduction Strategy Paper: Armenia Social Trends 2003 // Marzes (regions) of the Republic of Armenia. UNDP Armenia. 2003. URL: www.un.am (дата обращения: 24.03.2016).
- Jackson J. Realistic Group Conflict Theory: A Review and Evaluation of the Theoretical and Empirical Literature // The Psychological Record. 1993. Vol. 43 (3). P. 395–414.
- Kamans E., Otten S. & Gordijn E. Power and threat in intergroup conflict: How emotional and behavioral responses depend on amount and content of threat // Group Processes & Intergroup Relations. 2011. Vol. 14. P. 293–310.
- Khahulina L., Tuchek M. Property differentiation during the transitional period // Public Opinion Monitoring: the economic and social changes. 1996. Vol. 3. P. 19–23.
- Jussim L. Social perception and social reality: A reflection-construction model // Psychological Review. 1991. Vol. 1. P. 54–73.
- Mayda A. Who is against immigration? A cross-country investigation of individual attitudes toward immigrants // The Review of Economics and Statistics. 2006. Vol. 88. P. 510–530.
- Pereira C., Vala J., Costa-Lopes R. From prejudice to discrimination: The legitimizing of perceived threat in discrimination against immigrants // European Journal of Social Psychology. 2010. Vol. 40. P. 1231–1250.
- Said E. Orientalism. London: Penguin. 1978. 413 p.
- Shahnazarian N., Ziemer U. Emotions, Loss and Change: Armenian Women and Post-Socialist Transformations in Nagorny Karabakh // Caucasus Survey. 2014. Vol. 1–2 (2). P. 27–40.
- Stephan W., Ybarra O., Bachman G. Prejudice towards immigrants // Journal of Applied Social Psychology. 1999. Vol. 29. P. 2221–2237.
- Wegren S. Socioeconomic Transformation in Russia: Where is the Rural Elite? // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52 (2). P. 237–271.
- Yalçın-Heckmann L., Shahnazarian N. Experiencing displacement and gendered exclusion: refugees and displaced persons in post-socialist Armenia and Azerbaijan // Caucasus Edition: Journal of Conflict Transformation. 2010. November 1. URL: <http://caucasusedition.net/analysis/experiencing-displacement-and-gendered-exclusion-refugees-and-displaced-persons-in-post-socialist-armenia-and-azerbaijan/> (дата обращения: 25.04.2016).

Zarate M., Garcia B., Garza A., Hitlan R. Cultural Threat and Perceived Realistic Group Conflict as Dual Predictors of Prejudice // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 40(1). P. 99–105.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.02.2017

‘EXORCISM OF CULTURAL OTHERNESS’: SOCIAL INTEGRATION AND ECONOMIC SURVIVAL OF THE REFUGEES IN POST-SOVIET ARMENIA

E. H. Hovhannisyan

European University in St. Petersburg, Gagarinskaya str., 3a, 191187, St. Petersburg, Russia
eviahovhannisyan@eu.spb.ru

The paper introduces some of negative stereotyping models and prejudices that refugees encounter when resettling from Azerbaijani Soviet Socialist Republic (SSR) to post-Soviet Armenia. The author has conducted ethnographic fieldwork over approximately five months in 2014 and 2015, seeking contextual understandings of stereotype concepts in the Vardenis district of Armenia populated by two socio-cultural groups of Armenians, that are the local inhabitants and the refugees. The research is based on an analysis of social and cultural dichotomy of those two groups. The fieldwork reveals a relationship structure between newcomers and the local population, resulting in the formation of kinship and social solidarity networks that lie at the basis of the new economy and social structure of the region. A combination of participant observation and in-depth interviews was used to explore the refugee strategies employed to survive in the host society. An ethnographic approach was used to contextualize the everyday experiences of the refugees and made it possible to present detailed descriptions of gender-specific discourses. The biographies, recorded more than two decades after moving to a new territory, not only shed light on the past of those people but also demonstrate the complicated process of their integration into a new society.

Key words: refugees, host society, marginality, socio-economic relations, matrimonial relations.

References

- Baudrillard, J. (1997), “The City and the Hatred”, *Logos*, Vol. 9, pp. 107–117.
- Billiety, J., Meulemanz, B., De Witte, H. (2014), “The relationship between ethnic threat and economic insecurity in times of economic crisis: Analysis of European Social Survey data”, *Migration Studies*, Vol. 2, N 2, pp. 135–161.
- Camino, L., Krulfeld, R. (1994), *Reconstructing lives, recapturing meaning: Refugee identity, gender, and culture change*, Gordon and Breach, Australia, 272 p.
- Chislennost' armyanskogo naseleniya v krupnykh gorodakh i raionakh AzSSR* [The number of Armenian population in the large cities and regions of the Azerbaijan SSR], The Ministry of Territorial Administration and Emergency Situations of the Republic of Armenia, the State Migration Service, available at: http://smsmta.am/?menu_id=93 (accessed 28 04 2015).
- Chislennost' i sostav naseleniya SSSR. Po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979* (1984) [The size and composition of the population of the USSR. According to the All-Union Population Census of 1979], *Finansy i statistika*, Moscow, Russia, 48 p.
- De Waal, T. (2003), *Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War*, New York University Press, New York, USA, 337 p.
- Gamagelyan, F., Rumyantsev, S., (2013), “Armenia and Azerbaijan: conflict in Nagorno-Karabakh and a new interpretation of narratives in history textbooks”, in Karpenko, O., Yavakhashvili J. (ed.), *Mify i konflikty na Yuzhnom Kavkaze: Instrumentalizatsiya istoricheskikh narrativov* [Myths and conflicts in the South Caucasus: Instrumentalization of historical narratives], International Alert, Moscow, Russia, pp. 168–192.
- Gotua, G. (2012), “Different governments in Tbilisi, same people in regions: local elites in the years of independence (the case of Gurjaani district, Georgia)”, in *Changing identities: Armenia, Azerbaijan, Georgia*, Georgia, Tbilisi: Heinrich Böll Stiftung South Caucasus, 2012. pp. 202–221.
- Guseynova, S., Akopyan, A., Rumyantsev, S., (2008), *Kyzil-Shafag i Kerkendzh: istoriya obmena selami v situatsii Karabakhskogo konflikta* [Kizil-Shafag and Kerkenj: History of Villages Exchange in Situation of Karabakh Conflict], Fond imeni Genrixa Bellya, Yuzhnokavkazskoe regional'noe byuro, Tbilisi, Georgia, 148 p.
- Interim Poverty Reduction Strategy Paper: Armenia Social Trends 2003: Marzes (regions) of the Republic of Armenia*, (2003), UNDP Armenia, available at: www.un.am (accessed 24.03.2016).
- Jackson, J. (1993), “Realistic Group Conflict Theory: A Review and Evaluation of the Theoretical and Empirical Literature”, *The Psychological Record*, Vol. 43 (3), pp. 395–414.
- Jussim, L. (1991), “Social perception and social reality: A reflection-construction model”, *Psychological Review*, Vol. 1, pp. 54–73.

- Kamans, E., Otten, S. & Gordijn, E. (2011), "Power and threat in intergroup conflict: How emotional and behavioral responses depend on amount and content of threat", *Group Processes & Intergroup Relations*, Vol. 14, pp. 293–310.
- Karapetyan, G., (1986), "Lapidary inscriptions of the settlement of Mets Mazra", *Istoriko-filologicheskii zhurnal*, № 2, pp. 232–237.
- Khahulina, L., Tuchek, M. (1996), "Property differentiation during the transitional period", *Public Opinion Monitoring: the economic and social changes*, Vol. 3, pp. 19–23.
- Kharatyan, L., (2007), "Chuzhiye sredi svoikh?" *Osobennosti adaptatsii arмян-bezhencev iz Azerbaidzhana v Armenii na primere Vardenisskogo raiona Gegarkunikskogo marza Respubliki Armeniya* ["The strangers among the fellows?" Features of adaptation of Armenian refugees from Azerbaijan in Armenia on the example of Vardenis region of Gegharkunik marz of Armenia], Fond imeni Genrixa Bellya, Yuzhnokavkazskoe regional'noe byuro, Tbilisi, Georgia, pp. 1-63.
- Kharatyan, L., (2008), "The assimilation of "alien" space: Armenian refugees in "Azerbaijani" villages of Armenia", in *Figuring out the South Caucasus: Societies and environment*, Fond imeni Genrixa Bellya, Yuzhnokavkazskoe regional'noe byuro, Tbilisi, Georgia, pp. 129–145.
- Konventsiya o statuse bezhentsev 28.07.1951* [Convention on the Status of Refugees 28.07.1951.], available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (accessed 11.04.2016).
- Mayda, A. (2006), "Who is against immigration? A cross-country investigation of individual attitudes toward immigrants", *The Review of Economics and Statistics*, Vol. 88, pp. 510–530.
- Pereira, C., Vala, J., Costa-Lopes, R. (2010), "From prejudice to discrimination: The legitimizing of perceived threat in discrimination against immigrants", *European Journal of Social Psychology*, Vol. 40, pp. 1231–1250.
- Petrosyan, H., (1998-1999), *Issledovatel'skiy proekt: "Kulturniy dialog vo imya garmonichnogo sosushestvovaniya"* [Research project "Cultural dialogue for the sake of harmonious coexistence"], The Armenian Center for Population Studies "Hazarashen", Yerevan, Armenia.
- Regional'noe upravleniye Gegarkunika* [Regional administration of Gegharkunik], available at: gegharkunik.gov.am. (accessed 08.09.2016).
- Rumyantsev, S., (2013), "Refugees and forced migrants in Azerbaijan: the political context", in *Carim East - consortium of applied research on international migration*, Vol. 9, available at: http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2013-115.pdf (accessed 20.05.2016)
- Said, E. (1978), *Orientalism*, Penguin, London, UK, 413 p.
- Shahnazarian, N., Ziemer, U. (2014), "Emotions, Loss and Change: Armenian Women and Post-Socialist Transformations in Nagorny Karabakh", *Caucasus Survey*, Vol. 1–2 (2), pp. 27–40.
- Stephan, W., Ybarra, O., Bachman, G. (1999), "Prejudice towards immigrants", *Journal of Applied Social Psychology*, Vol. 29, pp. 2221–2237.
- Velikiy, P., Elutina, M., Shteinberg, I., Bakhturina, L. (2000), *Stariki rossiyskoy derevni* [The old people of the Russian village], Stepniye prostory, Saratov, Russia, 128 p.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya. Natsionalniy sostav naseleniya raionov, gorodov i krupnikh sel soyuznykh respublik SSSR, Basargecharskiy raion ArmSSR (1939)* [All-Union Population Census. The national composition of the population of districts, cities and large villages of the Union republics of the USSR, Basargechar district of the Armenian SSR], available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39_ra.php?reg=857 (accessed 15.02.2016).
- Wegren, S. (2000), "Socioeconomic Transformation in Russia: Where is the Rural Elite?", *Europe-Asia Studies*, Vol. 52 (2), pp. 237–271.
- Yalçın-Heckmann, L., Shahnazarian, N. (2010), "Experiencing displacement and gendered exclusion: refugees and displaced persons in post-socialist Armenia and Azerbaijan", *Caucasus Edition: Journal of Conflict Transformation*, November 1, available at: <http://caucasusedition.net/analysis/experiencing-displacement-and-gendered-exclusion-refugees-and-displaced-persons-in-post-socialist-armenia-and-azerbaijan/> (accessed 25.04.2016).
- Zarate, M., Garcia, B., Garza, A., Hitlan, R. (2004), "Cultural Threat and Perceived Realistic Group Conflict as Dual Predictors of Prejudice", *Journal of Experimental Social Psychology*, Vol. 40(1), pp. 99–105.